

ПРЕДИСЛОВИЕ

13

Эта книга выросла из разговора, состоявшегося в 1998 году, вскоре после того как я, новичок-корреспондент *Financial Times*, прибыл в Киев. Проработав здесь несколько месяцев, я наконец получил согласие на интервью в Министерстве иностранных дел, и меня принял вежливый и взыскательный первый заместитель министра Антон Бутейко. Он мягко указал на наиболее частые мои ошибки (“Теперь это не Львов, а Львив”), а главное, сориентировал меня в политической ситуации.

Многое из сказанного им сводилось к стандартному набору об украинском “партнерстве” с Россией и стремлении “интегрироваться” в “евро-атлантические структуры” — тогда эти две задачи не казались несовместимыми. А под конец встречи он сделал любопытное замечание.

Несколькими месяцами ранее в России вышла книга под названием “Основы геополитики”. По словам Бутейко, ее автор Александр Дугин пользовался поддержкой самых консервативных российских политиков, а его книга была опублико-

вана при содействии Академии российского Генштаба. В ней излагались планы расчленения Украины. Мне стоит прочесть эту книгу, сказал Бутейко, чтобы составить себе представление о настрое его бывших коллег в Москве.

На следующий день я пошел в киевскую библиотеку имени Леси Украинки и нашел там это издание (по понятным причинам в украинских книжных магазинах книга не появилась). Я был заинтригован, увидев на обложке какие-то древнегерманские руны в сочетании с картой бывшего Советского Союза. Автор выражал благодарность генерал-лейтенанту Николаю Колотову, начальнику кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба России, консультанту этой книги.

В “Основах геополитики” был изложен весь спектр взглядов, от правоконсервативных националистических до фашистских теорий, выдвигавшихся в период между двумя мировыми войнами, а также собственно геополитика в сочетании с политическим явлением, о котором я никогда прежде не слышал, — оно именовалось евразийством.

Да уж, украинский министр иностранных дел имел все основания обеспокоиться, прочитав такой, например, пассаж (в свете событий в Грузии и Украине за последние пять лет он особенно заслуживает внимания):

Абсолютным императивом русской геополитики на Черноморском побережье является тотальный и ничем не ограниченный контроль Москвы на всем его протяжении от украинских до абхазских территорий... Северный берег Черного моря должен быть исключительно евразийским и централизованно подчиняться Москве.

В следующий свой визит в Москву я встретился с автором книги Александром Дугиным в его кабинете, который располагался в помещении государственной научной библиотеки неподалеку от золотых куполов и тихих прудов Новодевичьего монастыря. Бывший диссидент, сочинявший первые свои манифесты в заброшенных подвалах и печатавший их на ксероксе, в поисках освобождения от тоталитарного режима вы-

брал совершенно иное направление, чем большинство его собратьев, интеллектуалов советской эпохи.

Спасение России, по мысли Дугина, заключалось в том, чтобы обратить вспять поток демократического либерализма, восстановить репрессивный централизованный режим и привести к власти партию патриотов, верных имперской концепции России как многоэтнической и разнообразной в религиозном отношении страны — и при этом отчетливо русского и столь же отчетливо антизападного геополитического пространства, которое он называл Евразией.

Судьба Дугина весьма интересна, тем более на фоне бурного ликования, которым сопровождалось окончание холодной войны. Всю свою жизнь этот человек боролся против авторитаризма, а в итоге ухватился за новый тип авторитаризма, как только старый пал. Мне померещилось в нем сходство с Шигалевым из “Бесов” Достоевского, который признавался в переходе от “безграничной свободы” к “безграничному деспотизму”.

Я ожидал встретить свихнувшегося на философских проблемах отшельника в духе Достоевского, а на самом деле увидел очень живого, остроумного и в общем вполне приятного человека, к тому же одного из самых начитанных и интересных собеседников из всех, с кем мне доводилось говорить. По сей день я задаюсь вопросом, верит ли он сам в то, что пишет. Но ведь это не так уж важно. Искренне ли он верит или всего лишь играет взятую на себя роль, Дугин преуспевает, с легкостью рассыпая ссылки на оккультные учения, нумерологию, постмодернизм, фашизм и французских культурологов. Более всего меня заинтересовало упоминание Генштаба: неужели Дугин не только специалист по теории заговора, но и один из его участников? Или это лишь талантливая самореклама? Ответ Дугина подкреплял обе версии: “Наверху есть люди, которые поддерживают мои взгляды”.

Когда моя статья, критикующая Дугина и его убеждения, вышла в журнале *Foreign Affairs* (1999), Дугин несколько не обиделся, и мы, как это ни странно, вступили в переписку.

Вскоре после событий 11 сентября 2001 года я уехал на Ближний Восток, но продолжал интересоваться Дугиным

и его Евразийским движением. Вернувшись в Лондон, я решил написать книгу о том, что мне удалось узнать. Для этого понадобилось изучить написанные за столетие тексты и встретиться еще со многими современными публичными фигурами.

Результат этой работы вы держите сейчас в руках. Мой проект многократно менялся с тех пор, как я задумал его в 2005 году (а писать начал несколько лет спустя). За это время он, в силу многих трагических обстоятельств, сделался лишь актуальнее. Когда я приступал к работе, Дугин считался маргиналом, а имперские амбиции России оставались по большей части на бумаге. Я задумывал книгу о том, как малоизвестная поначалу теория постепенно проникала в российскую политику и как самое прихотливое и жестокое столетие российской истории породило философский двойник коммунизма.

Но когда книга близилась к завершению, восемь лет спустя (из них пять лет я провел в Москве, во главе местного отделения *Financial Times*), явление, которое я взялся описывать, из маргинальной идеи, распространявшейся в виде брошюр или в виде зернистых видеofilмов в сети, разрослось в полуофициальную идеологию власти, она гремела уже на государственных каналах и зазвучала из путинского Кремля во время вторжения в восточные области Украины. В 2014 году журнал *Foreign Policy* включил Дугина в сотню самых влиятельных мыслителей мира¹.

Изначально я не собирался писать остроактуальную книгу, но, вместо того чтобы ломать голову, пытаюсь согласовать эзотерические писания евразийцев с российской реальностью, я столкнулся с новой проблемой: как согласовать то, что мне уже удалось собрать, с внезапным поворотом, который совершила на моих глазах история России? В результате книга получилась совсем иной, чем задумывалась: от общих рассуждений о связи идей и судеб в последнем столетии российской истории пришлось перейти к более насущным и чувствительным вопросам. Заключительные главы начали вдруг разрастаться, и хотя концовка у книги теперь имеется, ее следовало бы дописывать и подправлять дважды в месяц.

Проблемой может стать и истолкование слова “национализм”. Многие из разбираемых мной авторов решительно возражали бы против такого ярлыка, поскольку в русском узусе “национализм” приравняется к “расизму”, в английском же языке этот термин имеет более широкое и, на мой взгляд, уместное применение. Я использую термин “национализм” как общее обозначение цивилизационной идентичности. Как и национализм, евразийство опирается на предполагаемую общность культуры и политических границ и может служить для оправдания завоеваний и “возвращения земель”.

Хотя сама Евразия, бесспорно, представляет собой “многонациональное” образование, включающее, в том числе, татар, русских, якутов, по сути своей эта концепция — имперская форма русского национализма, и члены этого движения целиком присоединились к националистическому походу на восток Украины. “Национализм” в данном случае не ярлык, а факт. Но дальше нас ждет путаница, когда эти националисты начнут критиковать других националистов за “национализм”. Ничего не поделаешь. Мы сосредоточим внимание на евразийстве как имперской форме русского национализма*.

В работе над книгой мне помогли буквально тысячи людей. Мичиганский университет обеспечил ресурсами и прекрасным местом для того, чтобы целый год я мог заниматься своей темой на стипендию Найта Уоллеса. Особой благодарности заслуживают Чарльз Эйзендрат и Биргит Рейк. Я также хочу особо упомянуть Лаверну Прагер, женщину потрясающей щедрости, оплаченная ею стипендия обеспечила мне год работы в Анн-Арбор.

Индрих Томан, глава кафедры славянских языков Мичиганского университета и специалист по Пражской лингвистической школе, много рассказал о фонологии, Якобсоне и Трубецком. Ольга Майорова, которая вела курс русского востоковедения в Анн-Арбор, также оказала мне существенную

* Существуют два контрарсивных направления современного русского национализма: этнический и имперский. — *Здесь и далее* (кроме специально оговоренных случаев) *примеч. науч. ред.*

помощь. Многое в Пражской лингвистической школе и связях ее теорий с евразийством разъяснил мне Патрик Серियो из Лозаннского университета. Приношу также благодарность Анатолию Либерману из Университета Миннесоты, который в долгом телефонном разговоре дополнил эти разъяснения.

Роберт Отто стал для меня главным экспертом по современному евразийству и российской политике в целом. Он был так добр, что прочел книгу в черновике, исправил множество ошибок и сделал много полезных замечаний. Джон Данлоп из Гуверовского института помог мне разобраться в попытке переворота 1991 года и рассказал о роли Дугина и о проникновении национализма в современное российское общество.

Ицхак Брудны из Еврейского университета в Иерусалиме проявил не меньшую щедрость и поделился соображениями о современном национализме, Гумилеве и советской “культурной политике” 1960–1980-х годов. Он также любезно прочел черновой вариант книги.

Андреас Умланд, написавший диссертацию о Дугине, указал мне основные источники.

Эндрю Вайс и Дмитрий Тревин из Московского Центра Карнеги активно помогали мне, когда я возглавлял московское отделение *FT*, в том числе в задаче проследить пути, по которым консервативные идеи проникали в российский мейнстрим.

Журналисты Сергей Канев и Надежда Прусенкова из “Новой газеты” и Андрей Солдатов из Агентура.ру снабдили меня множеством источников, документов, а главное — помогли оценить их значение.

Петр Суслов, прежде служивший в спецподразделении КГБ “Вымпел”, потратил много часов на обсуждение со мной (пусть и в довольно обтекаемой форме) истории КГБ, чеченских войн, его личного отношения к евразийству и некоторых удивительных совпадений постсоветской истории. Владимир Ревский, еще один ветеран “Вымпела” и бывший коллега Сулова, также стал для меня ценным собеседником.

Игорь Родионов, командовавший 40-й армией в Афганистане, а затем возглавлявший российское Министерство обороны, поделился со мной и обстоятельствами своей биогра-

фии, и наблюдениями за переменами в идеологии Российской армии после распада СССР, — идеология эта была сформирована преимущественно геополитической теорией.

Многие люди, причастные к московской богеме 1980-х (о ней речь пойдет в части III), охотно вспоминали этот почти вечный праздник жизни. Сергей Жигалин воспроизвел для меня на своей даче в малом масштабе типичную вечеринку московского “мистического подполья” образца 1980 года, а Игорь Дудинский часами напролет показывал фотографии из своих альбомов, подливал коньяк и вспоминал эпизоды той своеобразной светской жизни.

Два часа с Гейдаром Джемалем убедили меня, во-первых, что все, мне известное, скорее всего, неправда, а во-вторых, что я вполне мог бы жить в юрте.

Два долгих интервью с архимандритом Тихвинского монастыря Тихоном Шевкуновым и несколько увлекательных бесед с ним же легли в основу статьи для *FT* и соответствующей главы книги. Спасибо ему, отцу Павлу и Олегу Леонову, которые все это организовали.

Михаил Леонтьев, ведущий программы “Однако”, ответил на множество вопросов о русской политике и неоднократно оказывал мне помощь, как и Максим Шевченко и Владимир Познер.

Спасибо Владимиру Якунину, бывшему главе РЖД, который дал мне ряд (всегда весьма уклончивых) интервью о консервативном мышлении на вершине кремлевской власти.

Ален Бенуа, лидер французских новых правых, с величайшим терпением помогал мне разобраться в теории этого движения.

Марина Козырева, племянница солагерника Льва Гумилева, руководительница музея-квартиры Льва Гумилева в Санкт-Петербурге, просиживала со мной долгие часы, подбирая источники и контакты и разъясняя учение и наследие Гумилева. Приношу ей искреннюю благодарность.

Алексей Бондарев, написавший диссертацию о теории Гумилева, выделил целый день, чтобы поводить меня по петербургским дворцам, обсуждая философию Гумилева. Многие подсказанные им идеи нашли отражение в этой книге.